

**СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В ПОЭЗИИ А. СОЗАЕВА
(на материале сборника «Голос рассвета моего»)**

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, зав. сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В рамках фольклорно-литературного интертекста автор статьи рассматривает функциональные особенности фольклорных элементов в творчестве балкарского поэта Ахмата Созаева. Исследование проводится на материале сборника «Голос рассвета моего». Среди приемов, используемых автором в качестве связующих звеньев между фольклором и литературой, отмечаются своеобразная композиция, эпиграфика, топонимика, этнографические детали, а также стилизация жанров устного народного творчества (благопожелание, песня-состязание, песня-плач, лирика депортации).

Как показывает автор статьи, особое место в творчестве Ахмата Созаева занимает лирика депортации, интертекстуально связанная с фольклорным жанром «сюргюн жырла», созданным карачаево-балкарским народом в середине XX столетия. Путем стилистического анализа созаевских стихотворений «Моя песня о выселении» и «Вспоминая свое киргизское детство», автор использует многочисленные эпитеты, метафоры, олицетворения, гиперболы, приемы аллитерации, анафорические, эпифорические повторы, а также риторические вопросы, маркированные знаками фольклорной эстетики. Данные факты автор трактует как преемственность художественных традиций, благодаря которым нартский эпос, классический фольклор, устное народное творчество новейшего времени и современная национальная литература складываются в единый континуальный философско-эстетический комплекс.

Ключевые слова: фольклор, балкарская поэзия, Ахмат Созаев, интертекст, амейная композиция, ойконим, стилизация, поэзия выселения.

Каждому художнику без исключения свойственно на сознательном или подсознательном уровнях обращаться к образцам устного народного творчества. Как отмечает С.А. Джанумов, «для писателей фольклор всегда являлся неисчерпаемым источником познания духовной жизни народа, одним из важнейших средств обогащения собственного художественного творчества элементами народной культуры, народно-поэтическими сюжетами, мотивами и образами, жанрово-стилистическими формами» [Литературная энциклопедия 2003: 1143].

На сегодняшний день усилиями зарубежных и отечественных фольклористов достаточно полно и в системной форме описаны все возможные фольклорно-литературные связи (корреляция, оппозиция, сказительство, стилизация, аллюзия, пародия и т.д.). Как отмечает У.Б. Далгат, фольклористика XX века обогатилась исследованиями по установлению «логики отношений между литературой и фольклором на разных общественно-исторических и идейно-эстетических уровнях» [Далгат 191: 4].

В этом направлении серьезным шагом вперед стало «интертекстуальное» направление в фольклористике, позволяющее выявлять и описывать тончайшие, «пунктирные» соединительные связи между устным народным творчеством и

профессиональной литературой с помощью специально разработанного терминологического инструментария (прототекст, интекст, архитекст и др.). Подобного рода теоретические достижения современной фольклористики нашли отражение в материалах Международной конференции «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе», проведенной в 2003 г. в Магнитогорске [Интертекст в художественном... 2003].

По мнению современных ученых, «при изучении фольклоризма одной из первоочередных задач является исследование как прямого, так и опосредованного воздействия устно-поэтических традиций не только на отдельные художественные произведения, но на все творчество писателя в целом. Это позволяет расширить представления о возможности творческого использования различных фольклорных сюжетов, мотивов и образов в произведениях разных жанров, разных родов литературы» [Литературная энциклопедия 2003: 1143].

В соответствии с этой целевой установкой в данной статье мы предприняли попытку на материале произведений одного сборника классика современной балкарской поэзии Ахмата Созаева (р. 1941) «Тангмы ауазы» («Голос рассвета моего») [Созаев 1998] рассмотреть многообразие фольклорных интертекстем, их функциональную роль в художественных текстах, их способность раскрывать новые смысловые грани произведений.

Названный поэтический сборник начинается с посвящения: «Отцу – Солтану, матери – Науш, хоть они и ушли в мир иной, они продолжают смотреть на меня, освещая голос моего рассвета... Пусть эта книга станет поэтическим памятником для обоих!» [Созаев 1998: 1]. Как видим, сам текст посвящения отмечен знаком фольклоризма как по форме, так и по содержанию, соединяя между собой два поэтических мира и провозглашая значимость архетипических ценностей.

Для древнего человека, еще не оторванного от природы, при описании различных ситуаций или оценке личности было естественно обращение к объектам окружающей его среды. Мир был изначально поделен на «добро» и «зло», сложившимися архетипическими знаками пользовались народные певцы. Согласно фольклорному словарю, безусловные символы добра – гора, холм, дерево, родник, трава и т.п., то есть все, что с крестьянской точки зрения является благом для человека. Обвал, снежная лавина, мутная река, тьма и другие, типологически сходные явления вошли в фольклорную систему как деструктивные, разрушительные. В свое время фольклорная эстетика выработала весьма удобную и «экономную» в средствах амебейную композицию, «при которой на протяжении всего поэтического произведения чередуются отрывки, связанные между собой параллелизмом» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 22]. Суть параллелизма заключается в том, что простой намек на природное, вещное сопоставления позволяет уяснить человеческое, духовное.

А. Созаев, верный карачаево-балкарской фольклорной поэтике, часто пользуется экспрессивными возможностями амебейной композиции, конечно, в немного стертой, аллюзивной форме. Приведем в качестве примера характерный отрывок из «Стихотворения, посвященного Алимуну Байсултанову»:

Тауларыбыз кибик адамлыгынга,
Малкъарынгда сын таш этип салгъанбыз.
Къама ауузуча жютю кишилигинги,
Кесибизге нёгерликге алгъанбыз [Созаев 1998: 59].

Твоя человечность подобна горам,
Мы ей в Балкарии поставили памятник.
Твое мужество, острое как кинжал,
Мы взяли его себе в спутники.

(Подстр. пер. автора статьи)

Фольклоризм Ахмата Созаева и близость его лирического героя к вековым традициям проявляется в постоянном внимании к ойконимам, к микропонимам, семантическое содержание которых обыгрывается и складывается в оригинальные поэтические образы. По такой художественной модели написаны стихотворения «Деу Алауганны сыргына ушагъан Сырт Талада, атам бла мен кѣп жылны чалгъы тартхан талада туугъан тизгинле» (*Стихи, написанные на Холмистой Поляне, похожей на спину могучего Алаугана, где мы с отцом многие годы косили траву*) [Созаев 1998: 217], «Акъ-Суу башында «Буу мюйюзле кези» деген жерде жаратылгъан тизгинле» (*Стихи, рожденные в верховьях Белой речки, в местечке под названием «Проём в рогах оленя»*) [Созаев 1998: 264], «Акъ-Суу элиме айтама» (*Говорю своему родному селу Ак-Суу*)» [Созаев 1998: 56], «Малкъар журтума» (*Родной Балкарши*) [Созаев 1998: 135], «Жанбаш сыртда жангыз терек» (*Одинокое дерево на холме Жанбаши*) [Созаев 1998: 192], «Барама Холам таба» (*Иду в сторону Холама*) [Созаев 1998: 411] и др. Вглядываясь в окружающий мир, созаевский лирический герой видит в очертаниях природных объектов фигуры персонажей нартского эпоса, ведет с ними диалоги.

В представлении балкарского поэта любой ойконим – это частица устного народного творчества, требующая бережного к себе отношения. «Холам» – одно из «мертвых» балкарских селений, куда уже никто не возвратился после депортации 1944–1957 гг. А. Созаев образным поэтическим языком поднимает тему исторической памяти, многократно обыгрывая слово «Холам», органически вписывая его в мир социума и Вселенной. Приведем это стихотворение целиком:

Таулу киши
«Холам» деген сѣзню
Жона кетип,
Сын таш этди.
Энди ол аны
Аламны къалайындан да
Кѣрюнюрча, аллай жерге
Элтип саллыкъды.

Горец
Слово «Холам»
Долго обтесывал,
Превратил в памятник.
Теперь он его
Поставит в такое место,
Чтоб видно было
С любой точки Вселенной.

Таулу тиширыу
«Холам» деген сѣзню
Ийлей кетип,
Гыржын этди.
Энди ол аны
Аламны хар инсаны да
Ашарча, аллай аш къангагъа
Элтип саллыкъды.

Горянка
Слово «Холам»
Долго месила,
Превратила в хлеб.
Теперь она его поставит
На такой стол,
Чтобы каждый житель Вселенной
Мог отведать.

Таулула
«Холам» деген сѣзню
Алып барадыла,
Ёлюкнюча,
Алай жокъду аны асырар жерибиз.
Нек дегенде,
«Холам» деген сѣзню
Биз, таулула,
Асырагъанбыз жюреклерибизде.

Балкарцы
Слова «Холам»
Несут как
Тело покойника.
Но нет места для его захоронения.
Потому что
Слово «Холам»
Мы, горцы,
Сохранили в наших сердцах

[Созаев 1998 299].

(Подстр. пер. авт. статьи)

Художественное мастерство А. Созаева проявилось в использовании конкрет-но-вещных, фактурных образов (обтесывать камень, месить тесто, печь хлеб), переводящих абстрактную категорию (название села) в зримый, опредмеченный объект, занимающий важное место в культурной жизни современного общества.

Особое место в карачаево-балкарском фольклоре занимает жанр «сюр-гюн жырла» – стихи и песни, тематически связанные с трагедией выселения. А. Созаеву, который в трехлетнем возрасте испытал участь спецпереселенца, очень близка тема национальной трагедии с последующим возвращением депортированного народа на родину. Знаком фольклорной стилизации отмечено лиро-эпическое стихотворение А. Созаева, которое он назвал «Кёчгюнчюлюкге мен этген жыр» («*Моя песня о выселении*») [Созаев 1998: 333]. Все стихотворение написано от имени народа, судя по местоимению «биз» (мы). Автор использует целый ряд изобразительно-выразительных средств, передающих психоэмоциональное состояние людей, которых разлучают с родной землей. Это – эпитеты «могучая река», «черная одежда», метафоры (*очаг погас, солнце мира закатилось, сжечь неправду*), олицетворения (*звезды плачут, волна бьет себя об скалу, Дыхтау поет песню-плач*), гиперболы (*мертвые восстали*). Все эти стилистические приемы сближают данный текст с типологически сходными произведениями «сургюн жырла». Сюда следует добавить и явления экспрессивного синтаксиса – междометие (*ой*), анафорические и эпифорические повторы с подхватами («жуддузла жилий» – «плакали звезды»), риторические вопросы («Терекле кьалай чакъсынла?» – *Как зацветут деревья?*). Особо следует выделить такой излюбленный фольклорной эстетикой прием, как аллитерация, также мастерски используемый в песне-плаче А. Созаевым. Речь идет о том, что во многом организация смыслового единства стиха достигается использованием трех ключевых слов на букву «ж» – «жыр» – «песня», «жуддузла» – «звезды», «жилийды» – «плачет».

Северокавказскими специалистами достаточно полно изучен такой художественный феномен, как детский фольклор о депортации. На самом деле, эти уникальные тексты «дают представление о масштабе народной трагедии, в которой наибольшая доля страдания выпала на долю детского населения» [Берберов 2003: 113].

С этими образцами устного народного творчества перекликается и стихотворение А. Созаева «Къыргъызда сабийлигим эсгере» (*Вспоминая свое киргизское детство*) [Созаев 1998: 222]. На первый взгляд, произведение кажется малоинформативным и лишенным значимых действий. Здесь всего лишь воспроизводится яркая картина из серии детских впечатлений маленького спецпереселенца: малыш видит идущих к нему навстречу двух людей – «один – отец, вторая – мать» («Анам – бири, бири – атам») [Созаев 1998: 222]. Однако, если учесть исторический контекст стиха и вспомнить, сколько было сирот и полусирот среди депортированных детей, то сразу становится понятно внутреннее ликование маленького героя, который по милости Всевышнего растет в полной семье. Портрет маленького спецпереселенца с печальными глазами и мужественным сердцем описывается автором в стихотворении «Сургюнде кьалгъан сабийлик» (*Детство, оставшееся в изгнании*) [Созаев 1998: 91]. Такого рода стихи представляют собой «неоценимый источник для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства балкарцев и карачаевцев в трагический период народной истории» [Берберов 2003: 111].

Эпиграфы – еще один способ, который мастерски используется А. Созаевым для апеллирования к фольклорным текстам. К примеру, стихотворению «Жанбаш сырда жангыз терек» (*Одинокое дерево на холме Жанбаш*) автором в качестве эпиграфа предпосланы строки из карачаево-балкарской народной песни:

Жанбаш сырда жангыз терек ёсмесин,
Ёссе – ёссюн, ууалмасын, сынмасын.
Аналагъа жангыз улан туумасын,
Тууса – туусун, аурумасын, ёлмесин,
Аны анасы аны ачыуун кёрмесин» [Созаев 1998: 192].

*Пусть не растет одинокое дерево на холме Жанбаи,
А если растет, пусть растет, не ломается, не гнется.
Пусть не родится одинокий сын у матери,
А если родится, пусть родится и не болеет, не умирает.
И матери пусть не доведется увидеть его горе!*

(Подстр. пер. авт. статьи)

Не чужды для А. Созаева и жанрово-стилистические пересечения с фольклорной эстетикой, если учесть обилие в его творчестве стихотворений-благопожеланий – «Жангы тангнга алгыш» (*Благопожелание новому рассвету*) [Созаев 1998: 30], «Уллу Аллахдан тилегим» (*Прошу у Великого Аллаха*) [Созаев 1998: 38], «Жангы жылгъа алгышым» (*Благопожелание Новому году*) [Созаев 1998: 372], «Созай тукъумубузгъа айтама» (*Говорю роду Созаевых*) [Созаев 1998: 398], «Жеримде – жерим – Акъ-Суу элиме айтама» (*Моему месту на родной земле – моему селению Ак-Суу говорю*) [Созаев 1998: 406], «Жангы кюннге алгыш этеме» (*Благопожелание новому дню*) [Созаев 1998: 449], а также стихотворений, написанных в жанре «Кюй» (песня-горевание). Среди последних следует отметить следующие произведения – «Уяналаны Мухтарны эсгере» (*Вспоминая Уянова Мухтара*) [Созаев 1998: 145], «Анамы эгечи Атталаны Чуннайны кызы Кызычыкъ ёлген кюн туугъан тизгинле» (*Строки рожденные в день смерти сестры моей матери – Аттаевой Кызычык Чуннаевны*) [Созаев 1998: 388], «Жашы ажымлы жоюлгъан кишини сёзлери» (*Слова отца, чей сын трагически погиб*) [Созаев 1998: 389], «Биттирланы Назир ёлген кюн айтхан назмум» (*Стихи, прочитанные в день смерти Биттирова Назира*) [Созаев 1998: 394] и другие.

Для индивидуальной поэтики А. Созаева характерно использование различных устойчивых фольклорных формул: «Эртте, эртте, эртте» (*Давным-давным-давно*) [Созаев 1998: 195], «къор болайым» (*умру за тебя*) [Созаев 1998: 213], а также множества художественных этнографизмов, корректирующих представление читателя об особенностях духовной и материальной культуры горцев Северного Кавказа.

Важное место в карачаево-балкарском фольклоре занимает жанр лирической песни «айтыш» – фольк. «состязание в песнопении» [Къарачай-малкъар тилни 1996: 83]. Такого рода тексты предусматривают ведение остросюжетного диалога, как правило, между юношей и девушкой. По законам этого жанра написано стихотворение А. Созаева «Не айтырса манга сен?» («*Что скажешь мне ты?*») [Созаев 1998: 366].

Здесь мужчина выступает в качестве «ведущего» или «заводилы», который последовательно задает женщине «провокационные» вопросы, на которые его избранница дает остроумные ответы, подчеркивающие ее женское достоинство. Новаторство балкарского поэта здесь проявилось в добавлении заключительного «примиряющего» трехстишия, где прежние «антагонисты» хором произносят слова:

*Алай эсе, алай эсе,
Игиликни кюн этейик,
Юйюбюзге биз жетейик* [Созаев 1998: 366].

*А если так, а если так,
Доброту превратим в солнце,
И пойдем в наш дом.*

(Подстр. пер. автора статьи)

Фольклорные элементы способствуют тому, что в поэзии А. Созаева «мир воспринимается системно, гармонично, доминирует восприятие человека как центра целесообразно устроенной Вселенной» [Отарова 2005: 59].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать итоговый вывод о том, что Ахмат Созаев в своих поэтических произведениях весьма плодотворно использует целый комплекс фольклорных элементов. К ним относятся мотивы нартского эпоса, ойконимы, этнографизмы, эпиграфические микротексты, отсылающие читателя к произведениям устного народного творчества, а также специфические приемы амебейной композиции, характерные для фольклорной поэтики. Древние жанры («кюй» (*песня-плач*), «алгыш» (*благопожелание*), «айтыш» (*песня-состязание*)) в рамках литературной стилизации обретают новую жизнь под пером балкарского поэта.

Источники и литература

1. Берберов Б.А. Ребенок и репрессия: карачаево-балкарский детский фольклор о депортации // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. Карачаевск: КЧГУ, 2003. С. 111–113.
2. Далгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.
3. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года). Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. 701 с.
4. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка). В 3-х тт. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фф», 1996. Т. 2. С. 83.
5. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
7. Отарова П.К. Созаев Ахмат Султанович // Литературы народов России: XX век: словарь. М.: Наука, 2005. 365 с.
8. Созаев А. Тангымы ауазы (Голос рассвета моего). Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1998. 464 с.

SPECIFICITY OF FOLK AND LITERARY RELATIONS IN A. SOZAEV'S POETRY (Based on the collection «The Voice of My Dawn»)

Berberov Burkhan Abu Yusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

As part of the folklore and literary intertext, the author of the article considers the functional features of folklore elements in the work of the Balkar poet Akhmat Sozaev. The study is conducted on the material of the collection «Voice of my dawn». Among the priority connecting links between folklore and literature, there are amoeba composition, epigraph, placename, ethnography, as well as stylization of the genres of folklore (benevolence, song-contest, lament song, lyrics of deportation).

As the author of the article shows, a special place in the work of Akhmat Sozaev is occupied by the lyrics of deportation, intertextually associated with the folklore genre «surgun zhyrla» created by the Karachay-Balkar people in the middle of the twentieth century. By stylistically analyzing Sozaev's poems «My Song about Eviction» and «Remembering My Kyrgyz Childhood», the author reveals numerous epithets, metaphors, personifications, hyperbolas, alliteration techniques, anaphoric, epiphoric repetitions, as well as rhetorical questions marked with folk aesthetics. The author interprets these facts as the continuity of artistic traditions, thanks to which the Nart epic, classical folklore, modern oral art and modern national literature are combined into a single philosophical and aesthetic complex.

Keywords: folklore, Balkar poetry, Akhmat Sozaev, intertext, amoeba composition, oikonym, stylization, eviction poetry.